

A woman with long, dark hair, wearing a dark, flowing, translucent dress, is depicted floating in a dark space filled with stars. She is pointing her right hand towards a bright, multi-pointed star in the upper left. The overall scene is ethereal and celestial.

Марк

Довлатов

Фик

наслаждения

Марк Довлатов

**Пик наслаждения.
Озорная эротика**

«Издательские решения»

Довлатов М.

Пик наслаждения. Озорная эротика / М. Довлатов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-832319-5

В пятом сборнике рассказов об эротических приключениях Майкла Дуридомова вы найдете самые откровенные ответы на вопрос «Что такое удовольствие и с чем его едят?» Только не пытайтесь применить их на практике — автор снимает с себя всякую ответственность за возможные последствия вашего безрассудного поведения

ISBN 978-5-44-832319-5

© Довлатов М.
© Издательские решения

Содержание

Пик наслаждения	6
Обмен желаниями	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Пик наслаждения Озорная эротика Марк Довлатов

© Марк Довлатов, 2016

© Марк Довлатов, дизайн обложки, 2016

ISBN 978-5-4483-2319-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

В 5-м сборнике рассказов об эротических приключениях Майкла Дуридомова вы найдете самые откровенные ответы на вопрос «Что такое удовольствие и с чем его едят?» Только не пытайтесь применить их на практике – автор снимает с себя всякую ответственность за возможные последствия вашего безрассудного поведения

Пик наслаждения

*Алмазным пилом
пирамиды наслаждений
не секс является – любовь —
она его кристалл бесцветный затопит морем красок*

Михаил Дуридомов проснулся, отогнал марево витавших в голове образов, *ой, вот бляд*тво какое вчера было*, разлепил глаза и уставился в потолок, хрустальные подвески на люстре подмигивали ему зайчиками, *потолок шатается, что ли, трубы горят*. Он встал и пошляпал в кухню, достал из холодильника бутылку газированной «Бонаквы», влил в себя сразу половину, икнул и пошел в душ.

Вчера они с Белкой были на свадьбе – замуж выходила Марина Курганова, она работала в больнице, и Белка была у нее свидетельницей. Роспись была в двенадцать, и с восьми начался дурдом – Белка собиралась. Она носилась по дому в одном белье, рыжие волосы были накручены на бигуди, посередине комнаты стояла гладильная доска, под ноги Михаилу то и дело попадались обувные коробки. Кофе с бутербродом он пил из бабушкиной кружки один, потом курил, тынялся по дому без дела, примерил новую белую рубашку, достал черные джинсы «Boss», прошелся щеткой по черному пиджаку, нашел свои парадные туфли. Делать больше было нечего, он опять курил, шлепал пробегающую мимо Белку по попке, получал по рукам, валялся на диване и тупо смотрел новости. К одиннадцати в комнату вошла одетая Белка – она была в бледно-бирюзовом воздушном шифоновом платье с одной бретелькой и скошенным клином подолом, на поясе был бант, волосы были убраны на одну сторону и спускались на обнаженное плечо, в ушах и на груди покачивались жемчужины, купленные в Шарме.

– Ну как?

– Тебя вместо невесты украдут, Бельчонок. Ты подвязку надела?

– Ну серьезно, Мишка.

– Тебе очень идет это платье – оно подсвечивает твои глаза, они у тебя сегодня цвета морской воды.

– А ты чего голый валяешься? Сейчас такси придет. Одевайся бегом!

– Да что мне одеваться. Вот я уже и все.

– А галстука у тебя нет?

– Галстуки сейчас носят только чиновники Комунхоза. Если он еще есть.

– Ладно, идем.

– Ну пошли.

В ЗАГСе Михаил сначала пытался слушать наставления толстой тетки «брачующимся», потом заскучал и стал разглядывать людей. Жених Николай был в бежевом костюме и золотистой бабочке, соломенные вихры его торчали на затылке, на лице блуждала счастливая улыбка. Марина была в белом гипюровом платье со шлейфом, плечи были открыты и оттенялись черными кудряшками, лицо было серьезным, белый букет, прижатый к животу, навевал мысли о невинности. Белка стояла справа от Николая в туфлях на высоченных каблуках и была даже слегка выше него, щеки ее розовели, она пыталась сохранить на лице серьезную мину, но постоянно забывалась, и улыбка озаряла ее физиономию, слегка забрызганную веснушками. Свидетель... *лопух, что с него взять*. «... а теперь обменяйтесь кольцами – символом супружеской верности на всю жизнь... жених, поцелуйте невесту...», все хлопали, смахивали подступившую внезапно слезу, дарили цветы, обнимались, пили шампанское, фотографировались.

Фотографировались потом еще долго – ездили по городу в неизвестно откуда взявшейся в Мухосранске открытой «чайке», возлагали цветы к обелиску Неизвестному солдату на площади Согласия, заезжали в храм святого угодника Варфоломея, ставили свечки; поставил и Михаил. *Господи, сделай так, чтобы все было не хуже, чем сейчас. И ничего мне больше не надо.* Фотографировались в городском парке у памятника Пушкину, на центральной площади у памятника Марксу и Энгельсу и, наконец, у входа в ресторан «Салют», куда попали уже часам к четырем. Потом в холле ресторана рассредоточились, Михаил вытер лоб, снял пиджак и поймал за руку Белку.

– Пойдем поьем чего-нибудь, Бельчонок.

– Ну еще рано, не готово еще, надо подождать.

– Да есть же у них тут какой-нибудь бар.

Бар они нашли, Михаил взял стакан колы со льдом и высокий бокал «Карлсберга», они вышли на открытую террасу, уселись за столик, вытянули ноги.

– Ох, хорошо. Закурить надо. Как твоя Марина – счастлива?

– Не знаю, не спрашивала еще. Наверно.

– А больничное ваше начальство будет?

– А как же, конечно будет.

– Прощальный танец невесты с Вячеславом Ивановичем – первый?

– Ну Мишка, ну перестань. Что было, то прошло.

– Так была у них любовь или как.

– Ты знаешь, я у нее потом расспрашивала, когда ты фотки поудалял у него с компа...

Он-таки был у нее первым. Она-то его точно любила.

– А сейчас?

– А сейчас она замуж вышла, Мишка.

– Кончилась?

– Не знаю. Я думаю, это навсегда в тебе остается. Хоть как-то.

– Не надо бы ему сюда приходить.

– Нууу... никак нельзя. Некрасиво.

– Да. Некрасиво. А в кабинете у него под столом ей красиво было.

– А ты откуда знаешь, что она под столом была?!

– Журнал Windows прочитал, когда комп чистил.

– Ну не ври, Мишка, скажи! Ты в компе нашел? Фото?!

– Видео.

– Точно?

– Ну да.

– И что она делала?

– Да зачем тебе. На свадьбе. Что было, то прошло.

– Ну скажи! А то умру!

– Ну пососала немножко – что еще там можно делать.

– Правда? Ужас!

– И чего ужас, если любовь была. Ты что не помнишь – ты тоже под тем столом была, когда мы с тобой к сессии готовились. В его кабинете. Ночью.

– Ну не говори так! – Белка тревожно оглянулась по сторонам.

– Да что такого. Тут другое интересно. Любил ли он ее. Или просто пользовался. Надо будет спросить.

– Ну не надо, Мишутка!

– Ладно, не буду.

– Мне в туалет надо. Посиди один.

Михаил допил пиво, докурил сигарету и загасил окурочок. Холл наполнялся гостями, некоторые выходили на террасу. Он поднял глаза – они уперлись в чуть выпуклый живот красного велюрового платья, поднялись – колыхание холмов царицы Савской в декольте заворожило его, приковало взгляд, чудесное видение приближалось, пока он не услышал откуда-то сверху:

– Здравствуйте, Михаил! Знакомьтесь, это мой муж, Владимир.

– Здравствуйте, Анна Сергеевна. Приятно познакомиться, – он поднялся, ощутил вздутие в паху, запахнул полы пиджака и пожал руку высокому худощавому мужчине в очках, мужу заведующей терапевтическим отделением.

– Вот, надела новое платье первый раз. Не очень яркое?

– Нет, роскошное! Вы вся такая... нарядная.

– Спасибо. А Бэла где?

– Она свидетельница. Я ее сегодня, может, и не поймаю больше.

– Аня, ты что выпьешь. Я в бар схожу.

– Шампанского. Холодного. Я тут с Вами посижу, Миша?

– Конечно, Анна Сергеевна, присаживайтесь.

– Давно мы с Вами не видались. На чай не заходите.

– Да я... работы много. Да и ремонт был... всякое такое.

– Как Ваши гаджеты? Продаются?

– Как горячие пирожки.

– Да, я видела, у Вас много нового интересного.

– С мужем смотрели?

– Нет, Миша. Я же Вам говорила...

– Да. Я помню. Извините.

– Да ничего. О, смотрите – наш Главный, Вячеслав Иванович.

На террасе появилась новая пара: полная женщина в золотом парчовом платье без рукавов и мужчина с висячими усами и круглыми глазами в сером костюме, полосатый галстук вальяжно разлегся у него на внушительном животе. Михаил поднялся, Анна Сергеевна представила его главврачу как парня Бэлы Бурлаковой, «... а где же наша главная красавица...», вернулся муж Анны Сергеевны, «... вот, шампанского бы кстати сейчас, жарко...», из дверей появилась Белка и с тревогой посмотрела на образовавшуюся группу. Она подошла и взяла Михаила под руку, «...Вы такая красивая, Бэла, словно невеста...», «...ну мне еще рано...», все здоровались, знакомились, «...а где же жених с невестой...», от двери донеслось:

– Дорогие гости, прошу в зал, к столу!

В зале столы были составлены буквой П, Белка оказалась в центре, а Михаила усадили слева, с молодежью, он разместился между двумя девушками, как потом оказалось, Таней и Лорой, блондинкой и брюнеткой. Отзвучал марш Мендельсона, тамада, парень с толстыми ляжками в белых джинсах, объявил первый тост, гости зашевелились, Михаил налил себе холодной водки и зацепил кусок семги, «... а вы что пьете, девушки...», водка пошла за милую душу, «...а вот салат попробуйте...», «...а я вино люблю, сладкое...», «не, ну сладкое с грибами нельзя, надо воодки!» Застучали ножи, вилки зашкрябали по фарфору, «...а теперь тост скажет...», «...а под соленый огурец? Ну, будем! За молодых!», «Горь-ко! Горь-ко!» Марина с Николаем вставали, соприкасались губами, гости хлопали и свистели, требовали ещё. *Ну вот и хорошо уже. Еще бы покурить.*

– Вы не курите, девчонки? Нет? Схожу на террасу.

Михаил покурил, вернулся, по залу сновали официанты, «...а котлету по-киевски будете?», «по-киевски так по-киевски – водка с горячей закуской – прямо по Булгакову», «...а теперь – первый танец невесты!», «ну что, вы не созрели на беленькую?», «...на брудершafft? Да с удовольствием!», «...танцуют молодые!» Обстановка в зале становилась все более душевной, начались танцы, уже Вячеслав Иванович кружился с Мариной и что-то говорил ей на ухо,

бледная ее кожа начала розоветь от лица к шее. *Пойти Белку вытащить пора. Вот черт, уже этот лопух в нее вцепился. Тогда покурим.*

После перекура он вернулся в зал, поискал глазами Белку – она танцевала уже с главврачом, смеялась и резким движением отбрасывала назад рыжие кудри. *Вот паскуда, в новые фаворитки рядится!* Он подошел к столу, не садясь, выпил рюмку, развернулся – к нему подходила Марина.

– Потанцуешь с невестой?

– Пошли.

Михаил осторожно взял Марину за голые плечи, опустил глаза вниз, стараясь не наступить на подол; под белым гипюром грудь девушки легко поднималась.

– Распрощались? С Вячеславом Иванычем?

– Он сказал, что мы останемся друзьями...

– Ага, останемся, значит. Друзьями. Дальше.

– Не знаю, Миша.

– А ты его случайно не любишь?

– Люблю.

– А он тебя?

– И он.

– А Колю ты любишь?

– Да.

– Хорошо вам всем. По-французски.

– Почему.

– Амур де труа.

– Миша.

– Что.

– А ты... когда фото у него с компа удалял... мои... ты меня видел?

– Видел.

– И я... тебе... понравилась?

Господи, ну что за гребаный этот божий мир. И что им движет. Что движет всеми этими людьми, в этом зале, в этом городе, на этом шарики. Вот, ты ощущаешь пальцами кожу девушки, которую раньше уже видел всю голую, она принадлежала одному, теперь другому, а предлагает себя тебе – прямо в белом платье непорочной невесты, предлагает снять его – в памяти, вспомнить все ее прелести; она тебе и не нужна, но стояк на тебя напал. Ты не позовешь ее трахнуть в гардеробе прямо сейчас, но от возбуждения ты избавиться не можешь; это зависит не от тебя, так тебя устроила природа, эволюция требует, чтобы ты дрючил все, что движется, чтобы не прервалась нить жизни. Твое супер-эго стоит на страже и говорит тебе «низзя!», как раньше Моисей читал со скрижалей евреям «не возжелай», а ты желаешь, хоть тресни. И остальные тоже. Вон Белка с этим кобелем танцует, он ей всякие сальности говорит, она цветет и пахнет, ей это нравится. Так что, она тебя не любит? Любит. А ты? И я. И как же это все совместить в одном коктейле. Не знаю. Знаю только, что сейчас больше всего на свете мне хочется засветить в глаз этому дохтуру, но Моисей не велит, в скрижалях. Надо покурить. Музыка кончилась, он церемонно поклонился Марине, она присела в книксене.

– Да, Марина, ты там была очень хороша. И сейчас.

– Спасибо.

На веранде задувал ветерок, почти никого не было. Михаил закурил и потрогал уши – они горели. *Холодненького нужно. Пива, что ли. Ко лбу приложить стакан. Не, надо Белку потанцевать.*

В зале было душно, танцы были в разгаре, Белки не было. Он почувствовал руку на своем предплечье, обернулся – черные гранаты сверкнули ему с сочно-золотистой плоти почти обнаженного бюста Анны Сергеевны.

– Потанцуйем, Миша? Когда еще выпадет такой случай.

– Конечно, – он вздохнул и подставил локоть. На площадке Анна Сергеевна развернулась и одним движением возложила свой роскошный бюст Михаилу на грудь и прижалась к нему бедрами; он вяло попытался отстраниться.

– Ну перестаньте, Миша, мы же взрослые люди, я все равно чувствую Вас, вот, сейчас. Я все равно знаю. И не пытайтесь отрицать.

– Да я и не отрицаю. Я...

– Так не отодвигайтесь. Дайте Вас потрогать... хоть бедром.

– ...просто не знаю, что с этим делать.

– Да ничего не делать. Просто плывите... в танце. Просто чувствуйте. Вам же нравится. Скажите.

– Не буду.

– Ну Вы совсем не джентльмен, Миша. Дамам нужно делать комплименты.

– Вы... роскошная женщина.

– Позвонили бы когда-нибудь. Роскошной женщине.

– В куда?

– У меня Билайн, 812—15-21. Запомните?

– Да проще простого. Наполеоновский номер.

– Ну да, 812. А остальное?

– 15 – Ватерлоо, а в 21-м он умер.

– Надо же – какой у меня грустный номер!

– Ну чего тут грустить – побыл Наполеоном, так потом и не жалко...

– А Вы не хотите?

– Что.

– Побывать Наполеоном.

– Хочу, конечно.

– Позвоните?

– Ладно. В следующей жизни.

– Никуда Вы от себя не денетесь, Миша.

Он довел Анну Сергеевну до ее столика и вышел на веранду, потом вниз, в садик. *Надо проветриться.* Уже начинало темнеть. Слева в кустах раздавалось негромкое пыхтенье, ухканье и ахканье, видна была склоненная девушка с задранными подолом и двигающими бедрами парень со спущенными брюками. *О, молодцы, время зря не теряют. Куда ж от этого всего деться. И куда это Белка пропала. Пойдем в зал.*

В зале царил тамада: «А теперь мы переходим к веселым конкурсам! Мне нужны две команды: пять девушек и пять ребят. ... так, рассаживайтесь на стулья... сначала садятся мальчики... вот вам по листу бумаги... положите на колени... так... а девушкам – зубочистки... их нужно взять в рот... и прокалывать в бумаге дырочки... кто больше проколет за минуту – тот и выиграл! Начали!» Парни на стульях дурновато лыбились, девушки постановились на колени и куриными движениями стали дырять листы бумаги; зал хлопал и улюлюкал. «А теперь нам нужно украсить зал... вот у нас и шарики есть... их нужно надуть... мальчики, взяли насосы, поставили между ног, надели на них шарики... так, молодцы... девчонки, двигаем насосы, надуваем! Быстрее!» Михаил сел на свое место, ему было совсем не весело, он налил рюмку водки. Он чувствовал себя так, будто просидел в аэропорту целые сутки: в ушах был невнятный гул, глаза слипались. «Так, украсим зал шариками? Нееет, сначала надо проверить, крепкие ли они! Кто у нас самый смелый? Прааавильно, свидетели! Папрашу сюда! Ставим стул...

девушка, держитесь за спинку руками... тааак, берем шарик... прикладываем... а Вы, молодой человек, должны проверить его крепость... только руками себе не помогать! Начали!» Сквозь зыбкое марево Михаил видел стоящую у стула Белку, щеки ее были малиновыми, глаза зажмурены, попка отставлена назад, тамада приложил к ней шарик, и свидетель начал радостно долбить его ебат*льными движениями; зал хором считал «раз! два!... пять!...», шар лопнул прямо в голову у Михаила; он резко вскочил, залез на стул и заорал во все горло:

– Ах ты, козел вонючий, ну щас палучишь ты у меня за всю х*йню! – он уперся руками в стол и как в спортзале перенес рывком тело вперед, уронив всего один бокал, умудрился приземлиться на ноги, выпрямился и рванул вперед. Тамада мгновенно оценил опасность и ринулся ему навстречу, расставив руки. «Отвали, пидор толстожопый! Пустите меня! Пустите меня все! Белка! И ты палучишь! Пус... ти... те...»

Михаил пытался вспомнить, что было дальше, но вспоминалось все крайне фрагментарно: терраса, люди, сигарета, такси, кровать. *Черт, и души не помог. Надо кофе попить. Во, гульнули вчера, а. Чё ж теперь делать.* Телефон завибрировал, и он со страхом и надеждой схватил его в руку. *Тимка.*

- Здорово, брат, как оно ничего.
- Да херово, брат, дальше некуда.
- После свадьбы? Значит, не зря ходил. Пивчик есть, или подбросить?
- Та не, не в том дело.
- А что.
- Да я там... вчера...
- Мордобой устроил?
- Ты как знаешь?!
- Так это святое дело. А кого бил? Жениха?
- Свидетеля.
- Правильно. А его за что?
- Так Белка свидетельницей была.
- Ааа... Щупал?
- Да лучше бы щупал...
- А чиво?
- А знаешь с шариками такой конкурс: его прикладывают девке на задницу, а потом...
- Да видал! Бахнул?
- Трахнул.
- Белку?
- Мать Терезу.
- Нууу... а ты? Ты ж ему... от души?
- От всей. Все костяшки сбитые. Только я не помню всего.
- Легче стало?
- Да не знаю, может, вчера и стало, а сегодня херово совсем.
- Так пивчиком полечись.
- Да не в том дело! Там же вся больница была! Белку теперь уволят. Вечером веселье будет. Дома.
- Та не ссы! Приезжай ко мне, если что. А больница – фигня. Возьмем ее к себе, если надо. Гаджеты рекламировать.
- Ну гад же ты, Тимка. Успокоил, называется.
- Да все перетрется. Ты ее хоть не бил?
- Не помню. Но хотел.
- И это правильно.

- Так уйдет.
- Вот ты Дуридом. Еще крепче останется.
- Ты думаешь?
- Конечно! Хочешь – на спор? На упаковку?
- На две!
- Заметано. Ну, держись там, не кисни.
- Ладно, бывай.

Михаил маялся, в душе его боролись три чувства: остаточная злость, страх пополам с надеждой и стыд. Он вертел в руках телефон, елозил пальцем по контактам, но позвонить не решался. Внезапно телефон зазвонил сам, на экране возник портрет рыжеволосой девушки с трубочкой от коктейля во рту. Все три чувства смешались в нем в коктейль, и он, помедлив, нажал «Ответить».

- Ты живой? – в голосе девушки звучали тревожные нотки.
- Живой. А у тебя что? На работе.
- Ой, у меня такааая новость!
- Тебя уволили?
- Типун тебе на язык!
- Тебя повышают? – выскочило из него неизвестно почему.
- А ты откуда знаешь?!!!

Внезапно у него в памяти совершенно ясно всплыла картина: Белка танцует с главврачом, он ей что-то говорит на ухо, она улыбается... потом он отчетливо вспомнил фото Марины в компе Вячеслава Ивановича... как она раздевается... как с улыбкой смотрит в камеру... Коктейль чувств взболтался у него в желудке, он втянул воздух носом, выпустил через рот.

- Слышь, Белка. Я тут занят немного. Потом перезвоню, – и нажал отбой.

Чувство облегчения, *сама позвонила*, задавила слепая ревность, он закурил и поставил чайник. *Не ушла, уже хорошо. А может, и не хорошо. Сколько можно мучиться. То у нее Вольдемар Арнольдич, то Вячеслав Иваныч, то Хрен Сидорыч. А раком как она стояла – на глазах у всех. С шариком на заднице. Боже, стыдно-то как. Что ж делать-то, Майкл. Что ж тебе с ней делать, с этой шалавой малолетней. Ну хрен его знает.* Опять зазвонил телефон, Михаил с надеждой глянул на экран. *Нет, незнакомый номер, 812 какой-то.*

- Аллю.
- Здравствуйте, Михаил.
- Анна Сергеевна?! А откуда у Вас мой номер?
- Вы что, совсем ничего не помните? Мы же обменялись телефонами.
- Да?
- И как танцевали, не помните?
- Не, ну это помню. Разве это забудешь. Потом вот... некрасиво вышло.
- Так Вы переживаете сидите?
- Каменюка прямо на душе, здоровенная.
- Да бросьте, так весело вышло.
- С шариками?
- Да нет, это пошлость ужасная.
- Так вот и я...
- Вы молодец. Герой прямо. А тамада дурак какой!
- Правда?
- Конечно. Но что за свадьба без драки. А потом танцевали все до упаду.
- Так неудобно... главврач там...
- Знаете, он сегодня пришел в темных очках. Хорошо Вы ему вчера засветили.
- Вячеславу?! Иванычу?! И ему?!

- Ну да, он бросился вас разнимать, а Вы...
  - Так теперь Белку уволят?!
  - Да что Вы! Он сегодня посмеивался, старый, мол, перец, а туда же – решил молодость вспомнить. Вот и вспомнил.
  - Так ее повышают?
  - Ну да.
  - После вчерашнего?!
  - Да нет, приказ давно был готов, ее у меня забирают, она будет главной сестрой всей больницы. Сегодня объявили просто.
  - А Белка что?
  - Гордая ходит.
  - Фаворитка теперь?!
  - А, так Вы ему не случайно... в глаз... Теперь поняла.
  - Не знаю. Хотелось точно.
  - Это после их танца?
  - И Вы видели?!
  - Да что там видеть-то. Он, конечно, старый ловелас, про него у нас легенды ходят. Но Белку он не трогает, я Вам точно говорю. Так, комплимент сказать, не без этого, конечно. Девушки это любят, особенно от солидных мужчин, от начальства. Ну потанцевали, поулыбались. Больше ничего и не было. Так Вы там Отелло изображаете? Перед зеркалом. Месть готовите?
  - Да нет, так маюсь. Паршиво на душе. До ужаса. Но сейчас полегчало. После Вашего рассказа. Я Ваш должник.
  - Вот, ловлю на слове. Придете ко мне чай пить.
  - Ну Анна Сергеевна! И так плохо.
  - Ну не сегодня. Потом как-нибудь.
  - Ладно. Как-нибудь.
  - Ну и хорошо. Спасибо.
  - Что Вы! Это Вам спасибо, Анна Сергеевна!
  - Хороший Вы парень, Миша. Завидую я Бэле.
  - Это Вы напрасно! Она еще свое получит! Сегодня же.
  - Вот поэтому и завидую. Ну, мне пора. До свиданья, Миша. Целую.
- Михаил оторопело посмотрел на анимацию отбоя, потом приложил ладонь к правой щеке и глянул на нее – помады не было. *Господи, надо покурить.* Он одним духом выхлебал холодный чай и закурил. *Позвонить, что ли. Не буду. Все равно получит. За шарик. Надо пройтись, проветриться. Пива купить, вдруг Тимка выиграет.*
- Он натянул джинсы и майку и побрел пешком в магазин. Там он долго ездил с коляской меж прилавками, нашел баварские сосиски и немецкую горчицу, пива не купил, а купил почему-то торт с толстым слоем белого крема сверху. Дома он запрятал все в холодильник, и обед прошел давно, а есть не хочется, допил «Бонакву» и улегся в комнате на диван. В голове вертелись разноцветные шарики, потом заиграл духовой оркестр, кругом были празднично одетые люди, отец держал его за руку, все улыбались, и Анна Сергеевна улыбалась, на ней было красное платье, застегнутое до самого горла, а отец говорил: «Слушайся ее, Мишка, учительницу слушаться надо, и все будет хорошо».
- Разбудил его скрежет ключа в замке, он вскинулся и сел на диване. Послышался стук упавших босоножек, в комнату на цыпочках вошла Белка, в глазах ее застыл тревожный вопрос. Она подошла к нему, опустилась рядом на ковер и положила голову ему на колени.
- Ну хочешь – побей меня.

Михаил положил ладонь девушке на шею, продвинул ее под воротник платья, прошелся пальцами по ребрам, вернул руку обратно. Сердце его предательски бухало, он поднял Белку за локти, усадил к себе на колени, поднял ее лицо, заглянул в глаза – они пустили его к себе внутрь, в них не было ничего, кроме безграничного доверия и ожидания. Он придвинул ее лицо, нашел губами уголок ее рта, тихонько прикоснулся, почувствовал ответное движение, впился губами в ее губы, она обхватила руками его шею, обняла ногами его талию. Он растегнул ее платье на груди, обнажил плечи, приник к ним губами, дошел до основания шеи и прикусил, с трудом остановил себя и отстранился.

– погоди. Раздевайся. Пошли в душ.

Одежда упала на ковер, он взял девушку за руку и повел ее, обнаженную, к дереву познания, где серебристый змей уже ждал их – он обдал их струями горячей воды, смывая горечь вчерашнего дня, оставляя желание в чистом виде, первозданное, могучее, необоримое. Михаил развернул Белку к себе спиной, нагнул ее, она уперлась руками в матовое стекло душа, поставила ноги и опустила голову. Он вошел в нее, двигался ровно, ритмично и мощно, руками гладил все ее мокрое тело, целовал выпуклые позвонки, держал левой рукой за шею, за хвост темно-рыжих волос, правой вертел ее соски, отпускал, опускал руку к животу и ниже, к устью бедер, ловил за клитор, тербил и тянул его, пока Белка не застонала, подняла правую ногу, согнула в колене, опустила, соединила бедра и резко двинула ими несколько раз назад. Потом она выпрямилась, развернулась, присела на корточки, с силой сжала его член рукой и положила себе на макушку, продолжая движения рукой – белёсая густая жидкость в несколько штрихов нарисовала у нее на волосах жемчужную корону. Девушка провела кончиком члена по своим щекам, шее, по торчащим соскам, дождалась, пока кончатся спазмы, и отпустила его.

Они молча стояли под душем, обнявшись, прильнув друг к другу мокрыми телами, не в силах разъединиться; слышно было только как вода падает вниз. «И дождь смывает все следы», – крутилось в голове у Михаила название старого фильма.

В белых махровых халатах они лежали в своей новой спальне, на людовиковой королевской кровати, не смотрели друг на друга, отдыхали, не решаясь начать разговор.

– Ну говори уже, Мишка. Я же вижу, что ты...

– Надо из себя все это выгнать к черту.

– Так давай.

– Ну вот скажи: ну как ты могла... стоять раком посреди зала... перед всеми... и чтобы какой-то хмырь долбил тебя шариком в задницу...

– Ну это же игра такая была, Мишка, я не виновата. Ну все девчонки тоже... изображали... всякое такое... а я бы одна отказалась. Ну как?

– Хорошая себе игра.

– Дурацкая, я знаю. Но ты представь, что я была... актрисой... снимали кино про свадьбу...

– А что ты думала в это время.

– Я думала... я представляла, что это ты сзади.

– И никакой червяк у тебя в душе не шевелился?

– Ну шевелился! Стыдно было до смерти! Но я никуда не могла деться, пойми. Все они такие дураки. Ну отказалась бы я – они бы умнее стали? Это же всегда так на свадьбах. И не только у нас. Везде.

– А после того, как я твоему лопуху в челюсть дал – стал он умнее?

– Думаю, стал, не спрашивала. Но ты ж у меня герой, я так не могу. Все хлопают, все от тебя этого ждут, думаешь, что так и должно быть, просто надо перетерпеть. Ну прости меня. Простил?

– Простил. Но злость почему-то не ушла полностью.

– Я знаю, что надо сделать.

– Что.

– Сделай мне что-нибудь... бóльное. Тебе станет легче. Ну хочешь – я на живот лягу.

– Ты думаешь?

– Точно говорю. Ну давай. Сделай, что захочется.

Михаил поднялся, раздвинул на Белке халат, взял ее ладонями за шею, но руки не сжимались; тогда он опустил их вниз, взялся пальцами за соски и потянул, медленно, потом сильнее и сильнее – девушка закрыла глаза, выгнула спину, сжала губы, лицо ее исказилось от боли, но она молчала. Он слушал себя, свои ощущения. Сначала он ждал ее стона, крика, но потом увидел, что этого не будет, отпустил соски, лег на нее сверху, целовал их, ласкал языком, тихонько тянул губами.

– Ну хватит, Миша, хватит. Полегчало?

– Да. Я понял, что не хочу делать тебе больно. Я люблю слышать твой стон, но не от этого. Я не хочу, чтобы ты меня боялась. Я хочу, чтобы ты меня хотела.

– Щас я захочу! Теперь моя очередь!

– Ну давай.

– Скажешь честно?

– Скажу.

– Клянешься?

– Клянусь.

– Ты когда... с Анной Сергеевной танцевал... он у тебя торчал?

– Ну... да. Но я не виноват – он сам. Я...

– Ну так я и знала! А ну давай его сюда! – Белка вскочила, толкнула его в плечи и села ему на ноги, взяла его член левой рукой, обнажила головку и вонзила в нее ногти – Михаил аж засвистел, втягивая в себя воздух, пальцы на ногах сжались, он судорожно скомкал ладонями простыню. Девушка убрала правую руку, наклонилась и прикусила головку зубами, нижняя челюсть ее вибрировала, он чувствовал, что она еле сдерживает себя, как кошка, поймавшая мышку. *Ну вот и все, Майкл, будет тебе щас... эволюция. Будешь размножаться почкованием.*

– Ну все, Бельчонок! Он все понял!

– А чего он у тебя торчит?

– Испугался!

– С испугу? Прочувствовал?!

– До самых до...

– До них?! Вот я и их откручу!

– Ну не надо, они ж тебе еще пригодятся!

– Пригодятся?

– Конечно.

– Ладно. Оставим. На этот раз. Живите пока.

– Ну ляг на меня, Бельчонок, полежи. Ты моя бархатная, мой котенок зубастый...

– Ты меня любишь?!

– Хотел тебя задушить вчера. И сегодня тоже, с утра. А теперь понял, что не могу без тебя жить.

– Правда?

– Правда. Но будешь ты у меня битая, если что.

– Ладно. Буду битая. Но ты ж знаешь, что я только тебя люблю.

– Да знаю. Но ты такая сочная, такая вкусная... А вокруг столько голодных крокодилов бродит...

– Мишка! А ты еды никакой не купил? Я голодная!

– Сосиски... О, так я же торт купил!

– Так неси сюда, пока я тебе что-нибудь не отгрызла!

На кухне Михаил с наслаждением закурил, *господи, как хорошо на душе*, потом достал из холодильника торт, отрезал два здоровенных куска, положил на тарелку, взял под мышку бутылку колы и пошел обратно. В спальне он поставил тарелку на тумбочку и вернулся за стаканами, набросал в них кубиков льда и двинулся к Луи XV – Белка держала тарелку на животе и доедала кусок торта. Михаил налил в стаканы колы, выпил свою сразу одним духом и лег на кровать поперек девушки.

– Мишка, а давай я его кремом намажу.

– И сгрызешь?

– Не, ну так, посмокчу немножко... как наша Таня Гавриленко говорит – будет мне такая конфета.

– Ну давай. Мажь.

– Вот он, красивый какой стал. Наверно, вкусный.

– Попробуешь?

– Слушай, а мы с тобой валетом никогда не пробовали. Давай? Намажешь меня?

– Я не хочу сладкого, Бельчонок. Ты мне и так вкусная. Опустись ниже.

– Так?

– Так.

Михаил перебросил ногу через голову девушки, уткнулся носом меж ее бедер, раздвинул их, раскрыл пальцами губы, провел языком по мягкой блестящей плоти, почувствовал, как рот Белки захватил головку его члена и потянул; он стал легонько двигать бедрами. Ноги девушки начали подрагивать, потом задрожали крупной дрожью, она выгнулась, закрыв ему собой рот и нос, дернулась раза три и расслабленно опустила спину на матрас; он сосредоточился на своих ощущениях – дрожь передалась ему, пик приближался, он на секунду замер, сжался, пытаясь отсрочить финал, потом отпустил вожжи, открыл шлюз Ниагарского водопада и кончил с такой силой, будто отсидел до этого все четырнадцать лет в замке Иф в одиночной камере и только сегодня вышел на свободу – прыгнув с крепостной стены в море. Перед глазами у него плавали яркие пятна, кровь стучала в висках, эндорфины отплясывали сарабанду в мозгу. Он отвалился влево, распластался на спине, мехами легких вдыхал и выдыхал воздух, будто сизифов камень, наконец, поднят на гору, и можно минутку передохнуть. Но он чувствовал себя не уставшим, наоборот, полным сил, способным сдвинуть горы и развести море, запрыгнуть в один прыжок на вершину пирамиды Хеопса, победить всех львов и тигров одной рукой... Он чувствовал себя Самсоном и Давидом, покорителем Эвереста – весь мир лежал у его ног, покорно ожидая милостей. Дыхание его постепенно замедлялось, он открыл глаза: Белка склонилась над ним, легонько проводила ногтями по внутренней стороне его бедер, потом выше; губы ее были перепачканы белым кремом, она облизала их, скорчила ему рожицу и показала язык.

– Мишка.

– Да.

– А ты будешь свой торт есть.

– Нет, Бельчонок. Съешь ты, если хочешь.

– Я хочу, Мишка. Я всегда хочу. А ты?

– И я, маленькая. Я хочу тебя просто до смерти. Целый день представлял, что тебя больше не будет...

– А ты что будешь делать.

– Лягу и умру.

– Честно?

– Честно.

– Так может, ты меня немножечко любишь?

– Я тебя ужасно просто люблю. А ты.

- И я. Так нам хорошо вместе. Правда?
- Правда. Ты меня прости. За вчерашнее.
- И ты меня. Ладно?
- Ладно.
- Давай спать?
- Давай, маленькая. Спи, я покурю и приду.

Михаил сидел на кухне, медленно втягивал в себя дым и выпускал его кольцами. *Ну надо же, такое паскудное утро было, и такой прекрасный вечер. Легко как. Пиво вот только Тимке проспори́л. Дурак ты какой. Да ты б ему все пиво мира отдал. Разве нет? Да. Ну вот. Все хорошо, Майкл. Все будет хорошо. Идем спать. Идем.*

***

Обмен желаниями

Дело было год назад.

Михаил Дуридомов допил кофе, докурил, загасил сигарету, прошел в комнату и включил комп, в браузере кликнул ссылку http://www.pirate_gadget.com и увидел сайт, который сделал сам полгода назад.

Он давно забросил свою работу в Пункте, окончил курсы программистов, курсы бухгалтерии для малого бизнеса и вместе с Тимуром Лиходеловым организовал интернет-магазин электронных гаджетов – первый в Мухосранске с таким диапазоном товаров. Этот самый диапазон формировался постепенно из того, что Тимур продавал раньше руками: простые мобилки, смартфоны, планшеты, плееры и разные к ним примочки, которых становилось все больше. На их сайте можно было заказать или сразу купить и дорогие вещи, такие как эппловские Айфоны и Айпэды, самсунговские Галакси, но упор был сделан не на это, не на элитную продукцию, а на имитацию крутизны: было много Китая и много услуг, на которые киты мировой электроники посмотрели бы с обидой. Но что делать: магазины App Store, Google Play Store и Amazon Appstore хотели денег от простых мухосранцев за программы, а денег было жалко, и если ты сэкономил три четверти стоимости чего-то, то значит, ты эти три четверти почти что нашел и можешь потратить их на... ну, что мне тебе говорить – ты и сам знаешь, на что их потратить, ведь так, Витек. А если не знаешь – заходи к нам в раздел Love_gadget, мы тебе поможем, ты будешь доволен, и твоя девчонка будет довольна, вот увидишь, еще спасибо скажешь. Один клик, и ты на один шаг ближе к... вот, например, вчера получили – новый вибратор, в виде банана, и пахнет как банан... Что, дорого? А ты представь: ты с друзьями смотришь футбол... пивчик... чипсы... а тут твоя Нюта тебя зовет срочно... Сбежал быстренько в перерыве между таймами и опять... Да еще как сработает! Если она три раза за пять минут не кончит, я тебе верну твой полтинник. Ну, ты ж меня знаешь. Дашка? Конечно. Еще как. Все проверено. Мы туфту не гоним. Слушай, я тебе еще скидку сделаю. Десять процентов. На следующую игрушку. Договорились? Ну и молодец. До связи.

Бизнес потихоньку разрастался. Поставками и распространением занимался Тимур – он был прирожденный продавец и мог впарить бедуйну калоши с зонтиком и прорезиненный макинтош. Михаил заведовал бухгалтерией, сайтом и сервисным центром, обеспечивал его крэкнутыми программами для гаджетов, прошивками от энтузиастов. Железом в центре занимался Серега Захаров – он работал когда-то в Самсунге, но что-то там у них не срослось. Весь этот бизнес не совсем укладывался в прокрустово ложе мировых стандартов и авторских прав, но ничего особо нового они не придумывали – все их пиратские ноу-хау можно было найти в интернете, нужно было только знать, что искать, что куда привинтить и что где подкрутить. Если ВКонтакте есть «Appstore.ru – лучшие игры для iphone, ipad, ipod» и одновременно «Приложения на iPhone и iPad | Халява App Store», то нам сам бог велел...

Михаил зашел на сайте в раздел Статистика и ввел свой пароль. Сюда мог зайти только он и Тимур. Открылась картинка, которой он гордился: на берегу бухты сидел одноглазый пират в треуголке с попугаем на плече, спиной он опирался на пальму, в руке держал бутылку рома, рядом стоял открытый сундук с золотыми монетами. Картинка была анимирована: с верхушки пальмы падали кокосы и бананы, на лету они превращались в пиастры и со звоном брямкались в сундук. Слева от сундука шли окошки счетчика, Михаил выбрал сверху Сальдо и клацнул enter. Из семи окошек в первых двух пока стояли нули, дальше шли цифры, они двигались: крайняя правая – почти непрерывно, вторая – медленнее, третья – иногда рывками: это зависело от поступлений денег на счет. Волшебные окошки могли показать их валовый доход за выбранный период плюс текущие поступления за сегодня on line. Рядом можно было выбрать валюту, но по умолчанию цифры показывали доллары – так легче было сравнивать

с мировой ценой на гаджеты. Эта общая картина голубого неба, скалистого острова с пальмами в купе со звоном монет и шумом моря, раздающимся из колонок, вносила в его душу мистическое успокоение, близкое к нирване. Он мог сидеть так часами, но с утра позволял себе только минут десять. Вот и сейчас он зашел в статистику проданного вчера: все шло как обычно, кроме новых товаров. Смарт-колонка Amazon Echo, умевшая читать детям аудиокниги и отвечать на простые вопросы, пошла хорошо, даже лучше, чем он ожидал, а Sony Smart Bluetooth Speaker застыл на единице, *дороговато для нас*.

С неделю назад они решили добавить новую группу товаров – Умные часы. Там были LG G Watch – первая модель на ОС Google Android Wear, Sony Smart Watch 3 – еще одна модель на Android Wear – с GPS, самсунговские Samsung Gear S с SIM-картами и Samsung Gear Live, Motorola – Moto 360. Царили в разделе Apple Watch, эдакий мини-iPhone – квинтэссенция всей философии Apple: не столько техническое устройство, сколько объект желания, воздействующий на эмоции пользователя и дарящий ему тот самый «фан и экспириенс». Царили то они царили, бабочки на экране менялись и махали крыльями, но за неделю не ушло ни одной штуки – цена кусалась: в алюминиевом корпусе они шли от трехсот пятидесяти баксов, в стальном – от пятисот, а эксклюзивные варианты решили и не вешать на сайт вообще. Продалась пара эл-джишек и Sony, а Samsung, при цене от двух сотен долларов, были лидером продаж – они работали на Android Wear, соединялись по блютузу с родными смартфонами, которых было много, *этим надо позаниматься, Андроид поковырять – это тебе не яблоко разгрызть, джейлбрейки всякие – пожалуйста, а iCloud сграбить – это у нас мало кому нужно, у нас тут не Голливуд, мы люди простые, хоть и Google Now видали*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.